
Раздел III

ИМПЕРИЯ КАК СУБЪЕКТ ЛЕГИТИМНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

П. И. Костогрызов*

«ПУБЛИЧНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ» И «ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ»: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Распространенное в современной науке принадлежащее М. Веберу определение государства включает как необходимый атрибут «монополию на легитимное применение насилия». Однако, как и любое абстрактное понятие, такое веберовское государство представляет собой лишь «идеальный тип», никогда не воплощавшийся в действительности. Ни одному реально существовавшему в истории государству не удавалось полностью монополизировать легитимное применение силы на своей территории. Всегда сохранялось большее или меньшее пространство для правомерного применения силового принуждения со стороны иных акторов – будь то самооборона частных лиц или систематические организованные усилия социальных коллективов по поддержанию правопо-

* *Костогрызов Павел Игоревич* – старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург), кандидат историче-

рядка и пресечению правонарушений.

Как же можно охарактеризовать социальную и юридическую природу такого *негосударственного* принуждения? Является ли оно просто девиацией, неким «нерастворимым остатком» с точки зрения стройного, организуемого и поддерживаемого исключительно усилиями государства правопорядка, или у него в рамках этого правопорядка имеется свое *легитимное* место?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к анализу понятия «публичная власть». Хрестоматийной в отечественной науке еще с советских времен является трактовка публичной власти как одного из атрибутов государства, и кроме как в такой связке это понятие используется нечасто. Поэтому у многих складывается впечатление, что публичная власть – это и есть государственная власть. Традиция такого понимания термина идет от Ф. Энгельса, который определял публичную власть (*öffentlicher Gewalt/Macht*) как власть, отделенную от массы народа¹. При этом наличие такой власти он рассматривал в качестве признака государства, и противопоставлял его догосударственным формам власти, которые, таким образом, публичными не считал.

Поскольку любой власти присуща возможность принуждения, *публичное принуждение* в энгельсовой концепции совпадает с государственным (характерно, что за догосударственными обществами Энгельс не признавал вообще «никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения»²). В основном в этом же русле следует мысль большинства современных отечественных юристов: «публичное принуждение» у них синоним «государственного принуждения».

Вместе с тем конституционное право Российской Федерации использует понятие «публичная власть» в более широком смысле, чем «государственная власть», включая в него, в частности, власть местного самоуправления. Это приводит к необходимости разграничить в теории понятия «публичной» и «государственной» власти, на что обращают внимание наибо-

ских наук.

лее вдумчивые правоведы. Несколько работ посвятил этой теме известный конституционалист В. Е. Чиркин. Помимо государственной, он выделил следующие виды публичной власти: государствоподобная власть субъекта федерации, публичная власть автономных территориальных образований, муниципальная власть и общинно-родовая власть в публично-правовых образованиях коренных народов³. В качестве источника публичной власти он рассматривает «территориальный публичный коллектив»⁴.

И что особенно важно для рассматриваемой темы, В. Е. Чиркин подчеркивает, что каждому виду публичной власти (не только государственной!) присуща та или иная форма *публичного принуждения*. Это абсолютно логично: так как всякая власть по определению предполагает возможность принуждения, стало быть и понятие *публичного* или *публично-властного принуждения* должно быть по объему шире понятия государственного принуждения. Какие же есть виды публичного принуждения, кроме государственного?

Хотя в науке не принято говорить, например, о «муниципальном принуждении», но на практике такой институт существует: во многих странах действует муниципальная полиция, а выборные должностные лица, уполномоченные на ведение полицейской деятельности на местном уровне, являются представителями не государства, а самоуправляющегося местного сообщества.

То, что В. Е. Чиркин обозначил как «общинно-родовая власть в публично-правовых образованиях коренных народов», тоже обладает принудительными функциями. Часть современного человечества – коренные народы в разных странах – продолжает жить племенным строем, сохраняя собственную социальную организацию, и правовые системы соответствующих государств закрепляют статус племен и иных форм этой организации, в том числе как носителей публичной власти на соответствующих территориях, осуществляющих среди прочих и функции правового принуждения. *Племенное принуждение* кажется чем-то из глубокой древности, но оно сохраняет актуальность и сегодня.

Для развивающихся стран характерно и множество иных, помимо племен и родовых общин, форм организации территориальных публичных коллективов (в основном – коренных народов, но не только, это могут быть сельские или даже городские локальные сообщества, на обладающие этническими особенностями, выделяющими их из основной массы окружающего населения). Все это разнообразие можно свести к единству с помощью понятия *общины*, а обобщающим термином для присущих им видов публичного принуждения будет, соответственно, *общинное принуждение*.

В своих предыдущих работах автор доклада исследовал феномены общинного права⁵ и общинного правосудия⁶. Поскольку и то, и другое предполагает определенные функции принуждения, затрагивалась и тема общинных институтов, на которые возложено осуществление таковых. В принципе, каждый орган общинной власти обладает полномочиями по принуждению к исполнению своих велений. В определенных социально-политических обстоятельствах развитие общинной власти приводит к обособлению «силовой», охранительной функции и ее институционализации в форме органов *общинной полиции*⁷.

Взгляд на публичную власть как на сложносоставную систему, разные элементы которой могут иметь разные источники, позволяет выявить неоднородную фактуру ткани политического и правового бытия, которая остается невидимой для позитивистской юриспруденции с ее редукционизмом. Даже в современном мире наряду с государственным существуют другие виды публичного принуждения. Этот факт требует подробного анализа и глубокого осмысления прежде всего под углом зрения теории суверенитета. В. Е. Чиркин считал, что «в отношении других моделей публичной власти государственная власть имеет учредительный характер»⁸, тем самым понятие абсолютного государственного суверенитета не ставилось под сомнение. Однако нам это утверждение не представляется бесспорным. Некоторые виды публичной власти, прежде всего общинная, исторически предшествовали государству, и могли бы считаться учредителями государства

с не меньшим основанием, чем оно – их учредителем. А если разные *публичные власти* имеют независимые друг от друга источники, то «монолитная» теория внутреннего суверенитета государства нуждается в корректировке. Во всяком случае, пока рано считать этот вопрос закрытым – он явно заслуживает дополнительного исследования.

Помимо вопросов онтологии государства и права, проблема негосударственных форм публичного принуждения ставит и вопросы деонтологического характера. Должно ли государство действительно стремиться к полной и безоговорочной монополии на легитимное насилие? Должно ли общество противостоять этим стремлениям или соглашаться с ними?

© Костокрызов П. И., 2021

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 53.

² Там же. С. 78.

³ Чиркин В. Е. Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники // Государство и право. 2017. № 5. С. 17.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Костокрызов П. И. Общинное право // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 67–86.

⁶ Костокрызов П. И. Общинное правосудие // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 3(25). С. 94–103.

⁷ Костокрызов П. И. 1) Общество и государство в борьбе с преступностью: латиноамериканский опыт // Право и политика. 2016. № 3. С. 313–320; 2) Общинная полиция в странах Латинской Америки // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. I. СПб., 2016. С. 193–196.

⁸ Чиркин В. Е. Разновидности публичной власти и ее социальные и юридические источники // Государство и право. 2017. № 5. С. 17.